

РЕЦЕНЗИИ

Ольга Мязотс

СОВЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ КНИЖКИ-КАРТИНКИ
1920-Х ГГ. КАК БУКВАРИ БУДУЩЕГО.
РЕЦ. НА КН.: THE PEDAGOGY OF IMAGES:
DEPICTING COMMUNISM FOR CHILDREN.
ED. BY M. BALINA AND S. OUSHAKINE.
TORONTO: UNIVERSITY OF TORONTO PRESS,
2021.

Рецензия на сборник статей «Depicting Communism for Children», изданный в 2021 г. под редакцией американских исследователей Марины Балиной и Сергея Ушакина. В основу сборника легли материалы многолетних дискуссий, проходивших на семинарах и конференциях в Принстонском университете (США), посвященных современному подходу к изучению феномена советской детской книги 1920–30-х гг.

Ключевые слова: советская детская книга, модернизм, иллюстрации

В последние годы увеличивается число междисциплинарных исследований советской детской книги, которые проводятся не только в России, но и за рубежом, где результатом внимательного изучения сохранившихся обширных коллекций советской детской книги (и в первую очередь книжек-картинок 1920–30-х гг.) становятся все новые и новые публикации. Тоненькие книжки-картинки сегодня воспринимаются не только как материал для чтения и воспитания, но и как арт-объекты, привлекающие внимание ценителей книжного искусства, а также как важный источник историко-культурных исследований.

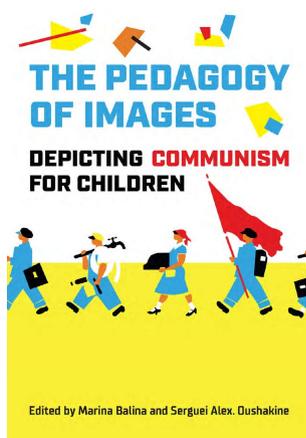

Ольга Николаевна Мязотс

Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино
Москва
omaeots@gmail.com

В основу сборника статей «The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children», подготовленного американскими исследователями Мариной Балиной и Сергеем Ушакиным, легли материалы многолетних дискуссий, проходивших на семинарах и конференциях в Принстонском университете (США), посвященных феномену советской детской книги 1920–30-х гг. Авторы сборника — специалисты-слависты из различных американских университетов, а также российские исследователи из Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, чей вклад позволил включить в корпус источников и редкие региональные издания. Авторы сборника изучают сложный, противоречивый процесс создания новой детской книги — иногда, опираясь на уже освоенные традиции, а иногда — полностью отказываясь от привычного взгляда. Во вступительной статье «Буквари советской модерности: коммунизм в картинках для детей» М. Балина и С. Ушакин заявляют о новом «решительно неканоничном» подходе к предмету изучения, который авторы выбирают сознательно, и вводят для определения темы исследования термин *модерность*, тем самым подчеркивая заложенную в детской книге раннего советского периода потенциальную устремленность в будущее и отразившуюся в ней попытку найти новый язык и новые образы революционной культуры, новые средства выразительности для определения, осознания и представления новой социальной реальности. Анализируя черты модернизма в советской культуре 1920-х гг., исследователи опираются на такой, по их мнению, незаслуженно обойденный вниманием ресурс как детские книги, и рассматривают их как важнейший источник знаний, необходимых для понимания того, как раннее советское общество «выработало свой собственный язык и научилось рассказывать свою собственную советскую историю» [Balina, Oushakine 2021, 5].

Авторы работ, посвященных в первую очередь визуальным аспектам детской книги, стремятся уйти от однозначных трактовок в парадигме «идеология-педагогика» и восприятия советской детской книги исключительно как оружия коммунистической пропаганды. Они ставят перед собой цель показать процесс твор-

ческого поиска, проследить попытки выработки новой эстетики, а также понять, как и почему новаторские авангардные художественные формы быстро превратились в застывшие визуальные клише.

Задача воспитания «нового человека», поставленная советской властью, предполагала не только выработку адекватных способов трансляции коммунистических идей для детской аудитории, но и воспитание у юных читателей способности активно воспринимать содержание книги, которое передавалось как вербально, так и визуально. Новые советские образы требовали тренировки детского глаза на восприимчивость ко всему новому и необычному, на умение собирать и разбирать эти образы по частям и синтезировать их — в обучении этому также состояла задача советской иллюстрированной книги, которая была рассчитана на активного читателя и часто предлагала не только читать и смотреть, но и делать. Предметом изучения в сборнике становятся новые темы в детской книге: рассказы о науке и технике, индустриализации и завоеваниях революции, а также процесс «воспитания глаза» ребенка-читателя и настройка его на новую оптику, трансформация дизайна детских книг, влияние, оказанное на детскую книгу визуальными искусствами (кино и фотографией), формирование образов, передающих динамику эпохи. Уделяется внимание приемам, с помощью которых авторы и художники пытались вовлечь детей не только в чтение, но и в самостоятельную творческую работу, предлагая различные игры и самоделки. Исследователи помещают детскую книгу в широкий культурологический контекст и рассматривают ее как источник информации о том, какими средствами искусства переживалась глубинная травма, связанная с социальным переломом, вызванным революцией 1917 г. Одновременно они изучают то, как соединяя (а не обязательно огульно отрицая) традиции прошлого и авангардные устремления, формировалось и перекраивалось новое отношение к миру и человеку, к культуре и искусству.

Чтобы стать воспитателями нового поколения, создатели детских книг должны были сами впитать эти идеи и найти способ для передачи в художественной форме усвоенного детям. Подобное преобразование невозможно в одночасье. Трудно представить себе, что в 1920-е гг. в СССР появилось вдруг множество писателей-пропагандистов, причем значительная часть из них оказалась на удивление талантливой. «Доступные публичные документы того периода, — отмечают Балина и Ушакин, — убедительно демонстрируют то, что до середины 1930-х гг. единственное, что

можно было сказать о советской культуре, — это полное отсутствие четкого понимания того, что это такое и чем должно быть. Как и само коммунистическое государство, государственные идеологические аппараты приходилось создавать с нуля, без каких-либо шаблонов или руководящих принципов, на которые можно было бы опираться» [Balina, Oushakine 2021, 5].

Взаимосвязям прошлого и настоящего, путям формирования новой художественной образности посвящены статьи Х. Гоцило о работе Бориса Кустодиева над книгой «Детям о Ленине», Ю. Левинга о создании Алисой Порет новой культурной иконографии в процессе работы над книгой «Как победила революция», Д. Лейдермана и М. Соколовской о визуализации в детской книге смерти Ленина и др.

В исследовании, посвященном проблемам модернизма и модерности в советской детской книге, невозможно было обойти вниманием расширение и актуализацию тематики. Детская книга как педагогический проект была призвана показать юному читателю пространство, которое начиналось сразу за порогом его дома, включая улицу, страну, вселенную. Эйфория социальных и технологических достижений проникает и в детские книги, авторы которых, по сути, учили своих читателей жить в мире, который только еще проектировался. Но пропагандистским заказом значение этих книг не исчерпывалось: они объясняли ребенку важные понятия: рассказывали об индустриализации, электрификации, новых моделях кораблей и самолетов, и в то же время, говорили о бытовых вещах: электролампочке, примусе, посуде, трамваях и знакомили с различными профессиями — такие знания могли пригодиться при любом политическом режиме. Именно эта универсальность определила небывалый успех познавательных советских детских книг в самых разных странах.

Но освоение новых тем давалось непросто. Противоречивость отношения различных авторов к такой традиционной теме детской литературы, как взаимоотношение человека и природы, исследуется в статье Л. Рудовой «От природы ко „второй природе“¹ и назад», где показана широта диапазона нарративов, предложенных детям — от покорения природы в «Войне с Днепром» Маршака, до внимательных к мельчайшим деталям книжек-картинок о животных Бианки, Житкова, Чарушина, Васнецова и других.

Акцент исследований авторов сборника смещается с примеров тотального идеологического давления на искусство, на изучение «капиллярного присутствия власти в художественных практиках

и нарративах» [Balina, Oushakine 2021, 10], в результате которого абстрактные коммунистические идеи обретали конкретное художественное воплощение, формируя основу визуальной грамоты, и быстро превращались в легко воспроизводимые визуальные формулы.

Исследуя процесс освоения новой социальной и культурной ситуации, авторы сборника выдвигают предположение о том, что ранние советские книжки-картинки были не только азбукой коммунистического просвещения для детей, но и лабораторией по выработке новых художественных средств, нового образного языка. Оценивая роль детских книг в ретроспекции, исследователи указывают на то, что именно в детской литературе, в детской книге формировался и отрабатывался новый советский художественный язык, его стилистика и символика. Однако изучение широкого массива источников наглядно свидетельствует о том, что детская иллюстрация 1920-х гг., поражавшая изначально обилием модернистских открытий и научившаяся искусно сочетать наглядность и схематизм, постепенно начинает воспроизводить массовый шаблон, предвосхищая, а возможно, и определяя жесткую форму шаблона соцреализма, который с середины 1930-х гг. был предписан всему советскому искусству.

К очевидным достоинствам сборника следует отнести широкий репертуар изучаемых материалов, среди которых не только классические образцы детской книги того времени, но и малоизвестные региональные издания, массовая книжная продукция, периодика — все это значительно расширяет поле исследований и способствует созданию более полной и многообразной картины. Обилие иллюстраций — более 250 цветных и черно-белых — и обширная библиография также делают этот сборник ценным вкладом в развитие исследований детской книги и детской культуры XX в. Чрезвычайно важно и то, что советская детская книга представлена в сборнике как часть общемирового культурного процесса XX в. Результаты работы широкого круга исследователей убедительно подтверждают: при всей уникальности ситуации в которой формировалась советская детская литература, выбор новых тем и освоение новых выразительных средств во многом совпадал с модернистскими тенденциями, ориентацией на социализаторскую роль детской книги, наметившимися в литературах других стран. Хотя визуальный язык и графические стратегии советских книг были вдохновлены коммунистическими идеями, их нельзя считать эквивалентными этим идеям,

они обладают собственной значимостью, выходящей за рамки того периода и той политической ситуации, в которой они были созданы.

Примечания

- ¹ Л. Рудова цитирует М. Горького, который считал культуру, созданную волей и разумом человека — «второй природой» («О культуре», 1928).

Литература

Источники

Горький 1928 — Горький М. О культуре // Культурный поход: [газета]. 1928. № 1, 10 сент.

Balina, Oushakine 2021 — Balina M., Oushakine S. Primers in Soviet Modernity: Depicting Communism for Children in Early Soviet Russia // The Pedagogy of Images: depicting Communism for Children / ed. by M. Balina, S. Oushakine. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2021. Pp. 3–49.

Olga Mäeots

The Library for Foreign Literature
Moscow

SOVIET CHILDREN'S PICTURE BOOKS OF THE 1920S AS
PRIMERS OF THE OF THE FUTURE. BOOK REVIEW OF THE
PEDAGOGY OF IMAGES: DEPICTING COMMUNISM FOR
CHILDREN. ED. BY M. BALINA AND S. OUSHAKINE. TORONTO:
UNIVERSITY OF TORONTO PRESS, 2021.

The review gives a response to the collection of articles “Depicting Communism for Children”, published in 2021 edited by American researchers Marina Balina and Sergei Oushakine. The collection is based on the materials of many years of discussions, held at seminars and conferences at Princeton University (USA), dedicated to the modern approach to the study of the phenomenon of Soviet children’s books of the 1920s and 30s.

Keywords: Soviet children’s book, modernism, illustrations